

стране Каши³ четыре вида животных разного происхождения — голубь, заяц, обезьяна и слон⁴ — стали братьями и стали жить в дружбе и согласии. Гэлэг Цогдан обращается к своим соплеменникам с горячим призывом к объединению, указывая, что «когда разного рода животные ведут себя подобным образом, то надо ли говорить о том, что братские (ага degüü) одного происхождения люди и князья должны жить в согласии» [Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uy ündüsüten-ü ilelkel šastir 1991: 118].

Таким образом, «Родословная торгутских ханов и князей» является не только письменным памятником, содержащим сведения по генеалогии аристократических родов торгутов, но и ценным источником по истории ойратов.

Литература

- Мэн-гу-ю-му-цзи*. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П. С. Попова. СПб., 1895. 487 с. + 92 с. + VIII с.
- Санчилов В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1990. 137 с.
- Haslund-Chriestensen H.* Men and Gods in Mongolia. Zayagan. London, 1935. N. Y. (Dutton), 1935. 358 p.
- Krueger Jonn R.* New Materials on Oirat Law and History. Part Two: «The Origins of the Torgouts» // *Central Asiatic Journal*. Vol. XVIII. № 1. Wiesbaden, 1974. P. 30–34.
- Okada H.* Haslund's «Toregut Rarelro» Deciphered // *Historical and Linguistic Interaction between Inner-Asia and Europe. Proceedings of the 39th Permanent International Altaistic Conference (PIAC)*. Studia Uralo-Altaica 39. Szeged, 1995. P. 217–223.
- Okada H.* Haslund's «Toregut Rarelro» rediscovered // *Writing in the Altaic World*. Studia Orientalia 87. Helsinki, 1997. P. 187–194.
- Okada H., Miyawaki-Okada J.* Haslund's Toregut Rarelro in the Parallel Text in Ulaanbaatar // *Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society*. Vol. XXIX. (2007). P. 123–140.
- Oyirad teüken surbulji bičig*. Badai, Altanorgil, Erdeni emkidgen tayilburilaba. Öbör Monγol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. 442 x.
- Oyirad teüken surbulji bičig*. Šijiyang-giyin aradiyin kebleliyin xoro:, 1987. 453 x.
- Šine qayučin Torγud-un qayad noyad-un uy ündüsüten-ü ilelkel šastir*. Čoyidandar qayuyulun bayulyaju tayilburilaba. Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 1991. 146 p.

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

УЧАСТИЕ КАЛМЫКОВ В РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ 1654–1667 гг.

В. Т. Тенкеев

Участие калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. еще не было предметом отдельного исследования ученых, изучавших историю Калмыкии XVII в. К сожалению, объем статьи не позволяет дать подробный и всесторонний обзор боевых действий калмыцкой конницы за этот период, поэтому автор ставил перед собой задачу на основе уже известных и выявленных архивных материалов осветить наиболее значительные боевые события этой военной кампании, в которых калмыки приняли непосредственное участие.

³ Согласно раннебуддийским сочинениям, Каши (Каси) называлось небольшое, но игравшее заметную роль в Древней Индии государство со столицей в Варанаси. В годы жизни Будды (наиболее принятая датировка — 563–483 гг. до н. э.) в Северной Индии существовало 16 таких «великих стран» (махаджанапад) [Бонгард-Левин, Ильин 1985: 194].

⁴ Поэтому Гэлэг Цогдан поместил на передней странице своего сочинения изображение этих четырех дружелюбных животных (ebtü dörben amitan).

После перекочевки из Центральной Азии на запад калмыки в первой половине XVII в. начинают активно осваивать степные пространства Северного Прикаспия, входя в непосредственные контакты с народами Северного Кавказа и Причерноморья, т. е. населением юга России. Однако, с одной стороны, самостоятельный выход калмыков на Волгу и Дон в то время не совпадал с интересами царского правительства, с другой — возможность использования калмыцкой конницы для охраны слабо укрепленных южных границ России представляла несомненный интерес для нее. В результате неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. Московскому государству не удалось вернуть территории, потерянные в период Смуты. Для достижения этой цели царскому правительству необходимо было решить две основные задачи: создание современной армии и надежное прикрытие протяженных южных границ от вторжений

кочевников. Вторая задача приобретала особенно важное значение в связи с возможностью наступлений на юге во время военных действий на других направлениях.

Одним из наиболее значительных и сложных вопросов России в XVII в. был вопрос о воссоединении с Украиной, большая часть которой входила в состав Речи Посполитой. 1 октября 1653 г. Земский собор принял решение об объединении Украины с Россией, 23 октября в Успенском соборе великий государь объявил о начале войны с Речью Посполитой. Наступление трех основных русских армий в Литве должны были поддержать на Украине Б. Хмельницкий и воевода А. Бутурлин с полком. С юга, со стороны Крымского ханства, прикрывал только воевода В. Шереметьев с Белгородским полком (свыше 7 000 чел.) [Малов 2006: 15–16]. Следовательно, южное направление в предстоящей войне оставалось недостаточно защищенным участком в случае возможного крымского вторжения, как это произошло во время Смоленской войны.

Перед царским правительством встал вопрос окончательного урегулирования русско-калмыцких отношений. С весны 1654 г. в дипломатических кругах России начал активно обсуждаться вопрос о более глубокой интеграции калмыков и использовании их отрядов против Крымского ханства. Поводом к этому послужили события на Украине. 8 января 1654 г. вопрос о воссоединении Украины с Россией был единогласно решен участниками Переяславской рады. Именно здесь в личной беседе московского боярина В. Бутурлина¹ с войсковым писарем И. Выговским была озвучена идея привлечения калмыков в войну против Крыма. В письме от 21 марта 1654 г. Б. Хмельницкий сообщил боярину В. Шереметьеву, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы двинуться на Крым. Б. Хмельницкий предлагал направить калмыков степью, а «донцов» — морем на Крым, тогда татары бы оберегали свои города и не имели бы возможности прийти на помощь к польскому королю Яну Казимиру [Санин 1987: 124, 125–126].

В конце 1654 г. донские казаки отправили к калмыкам посланцев с предложением совместного военного похода против Крыма. Момент для этого был вполне подходящий, поскольку большинство крымцев ушли в польские и литовские города,

ослабив тем самым защиту своего ханства. Тайши согласились и уже на весну 1655 г. запланировали совместно с казаками выступить на Крым. Правительство, всячески поощряя такие связи, предоставило калмыкам вольную и беспошлинную торговлю в русских городах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 19–20, 70–71]. Мирное соглашение с калмыками также давало возможность освободить значительные силы стрельцов, размещенных в волжских городах на границе с восточными кочевниками, и передислоцировать их на польско-литовское направление [Khodarkovsky 1992: 80].

Соглашение с калмыками требовало и конкретных шагов, подкрепленных материальным стимулированием: для этой цели уже в феврале 1655 г. из Москвы к тайшам Дайчину и Лузану были отправлены З. Волков и И. Горохов с жалованьем. Им предписывалось склонить тайшей к совместному военному выступлению на Крым и участию в польской кампании, позже послы в дороге были отозваны обратно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 1; Преображенская 1960: 65]. Причиной такого шага послужило получение в царской ставке под Смоленском отписки астраханского воеводы И. Пронского, сообщившего об уже заключенном письменном акте (шерти) калмыками под Астраханью. Правительство строго запретило своим подданным нападать на калмыцкие кочевья, фактически признавая их право кочевать по берегам Волги [Санин 1987: 126].

От донских атаманов к тайшам были направлены посланцы с повторным предложением совместного выступления на Крым. Примерно в конце ноября — начале декабря 1655 г. калмыки начали переправляться на правый берег Волги, весьма встревожив этим крымские дозоры на границе. Из донесений волуйского воеводы Ф. Зарубина известно, что в начале 1656 г. калмыцкий отряд в 1,5 тыс. человек за Молочными Водами под Крымом захватил ногайский улус Армамет-мирзы, в результате чего ими были взяты в плен свыше тысячи человек, а также досталось в качестве трофеев около 15 тыс. лошадей. Позже, 17 февраля, этим же маршрутом на Крым двинулся и другой калмыцкий отряд в 500 сабель. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов [Санин 1987: 126–127]. Можно сделать вывод, что военная служба калмыков России

¹ Родной брат А. Бутурлина.

началась именно с 1656 г., хотя она первоначально и не носила совместный с русской армией характер.

Крупные сражения 1658–1661 гг. в ходе русско-польской войны привели к значительному истощению сил с обеих сторон. Русская армия потерпела крупные поражения под Конотопом (1659 г.), где погибла элитная дворянская конница князей С. Пожарского и С. Львова, и под Чудновым (1660 г.), где был пленен полководец боярин В. Шереметев. Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительной массы крымских татар привело к тому, что в российском правительстве вновь встал обсуждаться «калмыцкий вопрос». В 1660 г. был создан особый Калмыцкий приказ как одно из отделений Посольского приказа под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова. Возможность использования калмыцких отрядов в войне с Крымом представлялась правительству существенным шагом в улучшении положения на фронте [Преображенская 1960: 69–70].

В 1662 г. Россия и Польша накапливали силы, ожидая благоприятного момента, чтобы переломить военно-политическую ситуацию в свою пользу. На южном направлении война с Крымом превратилась в серию взаимных мелких набегов, в которых калмыки показали себя настоящими мастерами малой полевой войны. В целях укрепления прежних договоренностей 27 октября 1662 г. под Царицыном состоялся русско-калмыцкий съезд, где князь Г. Черкасский с племянником К. Черкасским лично встретился с тайшами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 11, 15]. В результате заключенного договора Мончак, Дугар, Солом-Церен и другие тайши отправили свои отряды на Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 101].

В марте 1663 г. в Царицын прибыли люди Мончака и представили князю Г. Черкасскому военный отчет о зимней кампании под Перекопом. Всего они захватили у крымцев: в первом походе — 200 лошадей, 60 коров, 3 тыс. баранов и 10 ясырей; во втором — 200 лошадей и 6 польских ясырей; в третьем — 300 лошадей и 20 ясырей. Были убиты 100 крымцев, а также мирзы Карашбий и Казымбек. Вполне ясную картину о результатах таких калмыцких набегов можно представить по словам польских пленников, захваченных у татар: «от калмыцкого разоренья их [крымцев. — В. Т.] стало мало, лутче б де им смерть, а не явное

разоренье; николи де ниотково такова разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 127–129].

Активные действия калмыков и запорожцев под Крымом вызвали у крымского хана желание укрепить днепровские границы новыми городами и создать сплошной вал до Азовского моря. По мнению А. А. Новосельского, калмыки активно мешали, тормозили свободный и широкий размах татарских вторжений [Новосельский 1994: 94–95].

3 марта 1663 г. князь Г. Черкасский дал новый приказ Мончаку, Солом-Церену, Дугару и другим тайшам об отправке новых отрядов на Крым. Мончак вскоре отправил свои отряды под командой База-Батура, Усман-Батура и Сахан-Кашки. Солом-Церен также направил команды под началом Зан-Кашки, Басу, Мерген-Кошучи. Активное участие калмыков в новой крымской кампании было вызвано еще и тем обстоятельством, что зима 1662–1663 гг. выдалась чрезвычайно холодной и привела к огромному падежу скота и лошадей, что и стало причиной возникновения голода в калмыцких улусах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 3, 139], поэтому калмыки остро нуждались как в военных трофеях, так и в дополнительном царском жалованье за службу.

Постоянные калмыцкие набеги на территорию Крыма привели к тому, что крымский хан отказал польскому королю в помощи против «непослушных» украинских гетманов. Турецкий султан, не считаясь с трудным положением Крыма, также потребовал от Мухаммед-Гирея помощи в войне против Венгрии. Крымский хан пытался отказаться, боясь новых нападений восточных соседей, но нашел выход, отправив в поход против венгров своего сына Ахмед-Гирея с небольшим количеством людей.

Весной 1663 г. произошло столкновение калмыков с крымцами, в результате чего многие татары были побиты и захвачено большое количество лошадей и ясыря. Одна часть калмыков вернулась с добычей обратно на свою военную базу на Дону, а другая часть, состоящая из отборной тысячи, направилась в Запорожье на помощь казакам, прибыв 19 апреля к кошевому атаману С. Туровцу. После них на Крым пришла уже другая калмыцкая партия, учинив под Перекопом крупный бой с татарами.

Калмыки полностью разгромили крымцев [Акты 1867: 171–172].

Под Цибульником у калмыков и запорожцев произошел ночной бой с 10-тысячным крымским войском. Перед атакой они окружили татарский лагерь и предварительно договорились: «в добычу ни на какую не падатца и языков не иметь, чтоб всех побивать». В результате они захватили вражеский обоз и перебили всех татар, кроме одного султана, который через 3 дня умер от ран. Спаслись из татар лишь немногие, «разве кто в болоте оттопился». Затем калмыки с запорожцами двинулись за Днепр и Буг, узнав о нахождении здесь крымских улусов, но когда они были в дороге, пришло сообщение, что татары исчезли. Крымский хан, узнав о совместных действиях калмыков с казаками, весной трижды посылал в Запорожское войско послов с предложением мира, но получил отказ [Акты 1867: 172–173].

В начале лета 1663 г. война на территории Украины носила переменный характер. Ногайские улусы в степях Северного Причерноморья подверглись новому нападению калмыков. В этих условиях крымский хан, опасаясь нового прихода калмыков и запорожцев, продолжал держать большие военные силы непосредственно в Крыму. Но, выполняя союзнические обязательства перед польской стороной, часть крымских отрядов направилась и на помощь королю [Новосельский 1994: 75].

В июне 1663 г. в Запорожье прибыли 600 калмыков, «где мир и веру соопча приняв, ходили под Чигирин, и под Крыловым кош татарской взяли» [Акты 1867: 169]. В июле 1663 г. 400 калмыков приходили к Перекопу, сбили ханские шатры, захватили в бою мирзу, побили многих татар, едва не пленив самого Мухаммед-Гирея и Нуреддина. В Перекоп с подкреплением был вызван калга. Однако после ухода Мухаммед-Гирея калмыки вновь напали на Крым и уже за Перекопом сожгли хлеб в копнах и сено. В сентябре атаман И. Серко с калмыками под Перекопом отогнал большие стада. Позднее И. Серко с калмыками под Перекопом снова напали на татар, погромили и сожгли посад, захватили богатую добычу [Новосельский 1994: 96].

Калмыки просили у гетмана И. Брюховецкого разрешение поехать в Москву с вестями о военных успехах на Украине и под Крымом. Причем весьма любопытны

сохранившиеся личные впечатления гетмана о калмыках, изложенные в письме к государю в мае 1663 г.: «хотя люди некрещенные и в поступках своих с христианами не сообщники, но желательством своим к вашему царскому пресветлому величеству лутчие от изменников поставляютца» [Акты 1867: 169–170].

1 декабря 1663 г. в Запорожское войско от Мончака прибыл отряд в 100 калмыков под командой Эркета Атуркая. И. Серко и Г. Косагов с калмыками 6 декабря направились в набег под Перекоп, чтобы не допустить соединения крымского хана с польскими войсками, а также для взятия «языков». Они беспрепятственно сжигали татарские села и отбили около сотни русско-украинского полона, пока 11 декабря перекопский комендант Карачбей с татарами не вышел с ними на бой. Соотношение сил было на стороне крымцев: 1 000 татар против 90 запорожцев, 30 «донцов» и 60 калмыков. Казаки и калмыки применили тактику ложного отступления против татар, а затем, представив возможность противнику переправиться через реку Колончак, «устроив коньми кош», пошли в атаку, «побили и рубили татар до Перекопи». По сведениям казаков, «живых калмыки брать не дали, в руках кололи», кроме одного знатного турка. Пленник рассказал им о приказе турецкого султана крымскому хану двигаться на помощь польскому королю против основных сил русско-украинской армии, но хан из-за боязни прихода калмыков и казаков ослушался распоряжения [Акты 1867: 148–149; Соловьев 1991: 128].

Действия калмыцких отрядов в Северном Причерноморье и на Кубани достигли своей цели в планах российского командования и облегчили положение русской армии в войне против Польши. Москва одобряла успешные совместные действия казаков с калмыками против Крыма. В февральской директиве центра 1664 г. пограничным воеводам указывалось: «калмыков наговаривать и нашою великого государя милостию обнадеживать, чтоб они нам, великому государю, служили и против неприятелей стояли твердо и непоколебимо и ни на какие неприятельские прелести и подсылки не склонялись; а служба их от нас, великого государя, никогда забвенна не будет» [Акты 1867: 149].

В начале 1664 г. Мончак со своей армией находился на Дону в районе Черкасского городка, откуда на Крым в январе направил

20-тысячное войско [Акты 1901: 551–552]. Весной 1664 г. практически вся крымская орда вышла за Перекоп в степь для охраны полуострова от набегов калмыков, перекрывших полностью единственную сухопутную дорогу из Крыма в Азов, по которой доставлялись подкрепление и казна. Действия калмыков привели к тому, что среди крымских подданных царили настроения о напрасно развязанной войне хана в союзе с поляками против России. Мухаммед-Гирей, поддавшись этим настроениям, командировал в Москву посольство с предложением мира, а при отправке наказывал своим послам ехать только ночью, останавливаясь днем в «крепких местах в чернях и в камышах, чтоб их было не видно, ведомо де в Крыму, что калмыцкие многие люди на крымской степи». Однако послы до Москвы не доехали, и хан предположил, «что их калмыки побиили в степи». Действительно, этой весной И. Серко и Г. Косагов с калмыками разгромили неизвестный крымский обоз (850 человек), шедший из Крыма в Черкасский городок [Акты 1867: 201–202, 209].

В июне 1664 г. по приказу гетмана И. Брюховецкого объединенный отряд И. Серко, Г. Косагова и калмыков двинулся из Канева на правобережную Украину. В 25 верстах от Корсуни они разбили крымское войско, шедшее на соединение с польским генералом С. Чарнецким. Затем они двинулись на Умань на помощь поднестровским городкам, перешедшим на сторону России. За Уманью был разбит еще один крымский отряд, шедший также к С. Чарнецкому, там же и «салтанова сына взяли». Еще один бой произошел в Сарачинском лесу, где были убиты 100 татар и поляков [Акты 1867: 154, 157, 202–203, 210].

В августе 1664 г. калмыки из украинских городов вернулись в свои улусы, обещая уже следующим летом вернуться, заявив, что «они и впредь великому государю служить с Серком ради». Уход калмыков был связан с приходом к Чарнецкому новых подкреплений и рядом поражений, понесенных казаками И. Серко и Г. Косагова. В Каневе гетман И. Брюховецкий пытался удержать калмыков, давал им подарки в виде сукна, но они ничего у него не взяли и перешли на левый берег Днепра. И. Серко со своими людьми ушел в Торговицу, а Г. Косагов, потерпев поражение от поляков под Корсунью, — в Канев [Акты 1901: 580].

В этом же году тайша Мончак выделил для русской армии 3 тыс. воинов под командованием Маничар-Дайчи. Причем одна половина отправилась в новый крымский поход с Г. Черкасским, а другая половина ушла в Запорожье к гетману И. Брюховецкому [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 9. Л. 22–24, 26]. В ноябре 1664 г. из Москвы к гетману И. Брюховецкому пришло указание о полном обеспечении продовольствием и кормами прибывших на войну калмыков, при этом предписывалось всячески способствовать тому, чтобы они согласились остаться зимовать в Малороссии. Поскольку тайши сообщали в Москву об отправке самых лучших командиров во главе этого войска, И. Брюховецкому центр предписывал «тех калмыцких людей покоить, чтоб им ни в каких запасах скудости не было». Действительно, как это видно по отчетам гетмана, по государеву указу калмыков обеспечивали «добрым товаром, овечками, хлебом, медом, пивом, тютюном... и в иных вещах выгоду имеют доброю» [Акты 1867: 210, 220–223, 282].

В начале 1665 г. Мончак на очередную просьбу гетмана И. Брюховецкого о военной помощи дал согласие прислать своих людей [Акты 1869: 52]. Служба калмыцких воинов на Украине скоро дала свои результаты. 21 мая 1665 г. в 10 верстах от г. Белая Церковь калмыки, предварительно окружив, полностью разбили военный лагерь поляков и немцев-наемников, уничтожив около тысячи человек противника. Победителям достались огромные трофеи: кони, одежда, панцири, сбруи, копья гусарские и другие вещи [Акты 1867: 274, 282–283]. Польский военачальник Яблонский, потеряв множество своих людей, в страхе перед калмыками ушел в Польшу. Анонимный автор украинской «Летописи Самовидца» после этого события высоко отзывался о боевых качествах калмыцких воинов: *Вправді, люд военній, с копием всідаєт на коня, а нікоторіє и сагайдаки и стріли великіє с площиками широкими. Тилко найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копієм, в нікоторих и панціри, а инніє и наго идут до потреби. Люд отважній, а на взгляд чорній, нікчемній, страшний, чарами бавятся, бо балвохвалці...* [Літопис Самовидця 1971: 98–99].

Это была первая крупная победа калмыков над польской армией, которую по достоинству оценили многие военные специали-

сты в России. Белая Церковь — важнейший стратегический пункт в центре Правобережной Украины: крепость стояла на пересечении торговых путей, а обладание ею давало возможность контролировать положение во всем междуречье Днепра и Южного Буга [Санин 1987: 136]. После такой громкой победы спрос на военную службу калмыков в русской армии резко возрос. По одним данным, у гетмана И. Брюховецкого насчитывалось 7 тыс. калмыков, а всего на Украине действовало около 10 тыс. калмыцких воинов. Именно они и совершили новый поход под Перекоп, разбили 10 тыс. татар и «добычу себе многую учинили» [Акты 1867: 283].

Активное и успешное участие калмыков в крымско-польской кампании по достоинству было оценено в Москве. Выражением доверия и признания заслуг в военной службе Русскому государству явилась отправка в июне 1664 г. казанца Андрея Нармацкого к тайшам с жалованьем. Наибольший интерес представляет привезенное им тайше Мончаку военное знамя, свидетельствовавшее о калмыцком войске, по мнению П. С. Преображенской, как органической части или одним из подразделений русской армии [Преображенская 1960: 83].

В течение 1665–1666 гг. нет никаких существенных сведений о татарских нападениях на Русское государство, поскольку в это время они были вовлечены в междоусобную войну в Северном Причерноморье. В начале 1666 г., воспользовавшись их междоусобицей, отряд из 77 калмыков совершил нападение на крымские улусы, отогнав 8 тыс. лошадей, и без потерь пришел в свои улусы [Акты 1869: 86].

Денежное жалованье из Москвы к тайшам теперь поступало регулярно. Например, перед заключением Андрусовского перемирия поляки запросили у российской стороны огромную контрибуцию, в которой боярину А. Л. Ордин-Нащокину пришлось отказать, мотивировав это большими денежными расходами, направляемыми правительством к калмыкам, «чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу» [Соловьев 1991: 175]. На самом деле это было лишь всего дипломатической уловкой царского сановника, чтобы отказать польской стороне в выплате контрибуции, поскольку размеры годового денежного жалования тайшам, как показывают документы, не были столь внушительными. Несмотря на это, условия по-

литического соглашения с Москвой вполне устраивали калмыцкую верхушку, представители которой во многом компенсировали небольшое по размеру жалованье за счет возможности беспощадно торговать с русскими городами, обеспечить относительную безопасность калмыцких кочевий и получить трофеи в ходе военных походов.

Таким образом, можно отметить, что ключевое влияние на изменение политики России по отношению к калмыкам в положительную сторону, конечно, имела начавшаяся Русско-польская война в 1654 г. Выступление Крымского ханства на стороне Речи Посполитой, поражения русских армий на Украине повлекли активизацию русско-калмыцких переговоров на качественно ином уровне. Калмыцкие тайши все больше начали склоняться к мысли принятия на себя определенных обязанностей, а царское правительство шло на уступки по вопросам предоставления калмыкам кочевий и рынков в Нижнем Поволжье. Именно заключение шертей в 1655 и 1657 гг. создало политическую основу для вступления калмыков в Русско-польскую войну. После заключения в 1661 г. двух шертей, которые во многом носили характер военных договоров, калмыцкая конница вступает уже в активную фазу боевых действий в крымском направлении и на Украине.

В участии калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. условно можно выделить два этапа: самостоятельные военные действия на Кубани и в Северном Причерноморье (1656–1660 гг.) и совместные выступления с русской и украинской армиями в Причерноморье и на Украине (1661–1666 гг.). Военные действия калмыков во многом носили вспомогательный характер и кардинально не меняли ситуацию на театре боевых действий, однако они с 1661 г. существенно снижали активность Крымского ханства на Украине, облегчая тем самым положение русско-украинских армий на главных направлениях.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / Под ред. Н. А. Попова. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 гг. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. 674 с.

- Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1659–1665. СПб.: Тип. Праца, 1867. 335 с.
- Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. 1665–1668. СПб.: Тип. Праца, 1869. 280 с.
- Літопис Самовидця* / видання підготував Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 207 с.
- Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейгауз, 2006. 48 с.
- Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.
- Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987. 272 с.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М.: Мысль, 1991. 666 с.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 1992. 280 p.

УДК 94 (47).066.2

ББК 63.5

УЧАСТИЕ СВОДНОГО ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ КНЯЗЯ А. ДОНДУКОВА В КУБАНСКОМ ПОХОДЕ В 1771 г.

В. В. Батыров

В отечественной историографии участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. обычно ограничивалось периодом до ухода калмыцкого народа в Джунгарию в 1771 г. К тому же в дореволюционной и советской исторической литературе военным действиям на Северном Кавказе по большей части не придавалось большого значения. Например, в объемном труде К. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1768–1774 г.», вышедшем в 1866 г., боевые действия на Северном Кавказе не упоминаются [Петров 1866]. Соответственно и роль калмыков в русско-турецкой войне в большинстве случаев оставалась незамеченной.

Между тем, с началом русско-турецкой войны калмыки активно участвовали в походах на Кубань в 1769 г. и 1770 г. Весной 1770 г. наместник Калмыцкого ханства Убаши отправил 5 000 калмыков в армию графа А. А. Прозоровского в Молдавию. 2 июня 1770 г. наместник Убаши, действуя уже самостоятельно, отправил отряд в 1 500 человек под командованием нойона Емёгень Убаши на г. Копыл. 9 августа 1770 г., переправившись через р. Кубань, наместник Убаши с калмыцким войском и отрядом полковника И. А. Кишенского атаковал кубанцев. После недолгой битвы, потеряв убитыми 100 человек, кубанцы отступили.

Командующий русскими войсками на Кавказе генерал-майор И. Ф. де Медем

остался недовольным преждевременным открытием военных действий на Кубани. Не имея достаточного количества войск для продолжения операций на Кубани, он рассчитывал довольствоваться формальной «покорностью кубанцев», но действия калмыков нарушали его планы. Чтобы удержать калмыков от последующих походов, И. Ф. де Медем выступил в верховья р. Калаус и 20 августа объединился с калмыцким войском. 27 августа, когда наместник прибыл к И. Ф. де Медему для обсуждения дальнейших планов, между ними произошел конфликт, после которого Убаши собрал свои войска и 31 августа 1770 г. ушел на Волгу, сославшись на необходимость пополнения войск и продовольствия. Следующая встреча была назначена на октябрь–ноябрь 1770 г., но больше И. Ф. де Медем и Убаши уже не встречались. В январе 1771 г. большая часть калмыцкого народа во главе с наместником ханства Убаши покинула пределы Российской империи и ушла в направлении разгромленной к тому времени цинскими властями Джунгарии.

Участие калмыков в кампании 1770 г. обычно считается последней датой их участия в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Так, в начале XX в. калмыцкий историк Е. Ч. Чонов, рассматривая роль калмыков в русско-турецкой кампании, писал: «Следующий затем сорокалетний период, с 1770 г. вплоть до Отечественной войны, не отмечен